

А. Н. Веселовский

**Разыскания в области русских духовных
СТИХОВ**

Часть 1-2

УДК 93
ББК 63.3
В38

В38 **Веселовский А.Н.**
Разыскания в области русских духовных стихов: Часть 1-2 / А. Н. Веселовский – М.: Книга по Требованию, 2017. – 254 с.

ISBN 978-5-517-95979-9

ISBN 978-5-517-95979-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

«человѣка сановника копіе на люди имуща и оружіе имуща въ рудѣ своен на обѣ страны остро и другое за собою; опоясався и первое нападе на мя и абіе избоде мя и мышца не остави». Царь спрашиваетъ своихъ князей: не вдалъ ли кто того человека; тѣ отпѣкиваются. Увидѣвъ, что царь опечаленъ и огорченъ такимъ отвѣтомъ, Θεодоръ самъ рѣшается ѣхать на поиски, ѣдетъ «сквозь языки незнаемы, пже закона не знаютъ», и наконецъ находитъ въ Сиріи, въ пещерѣ, прикрытой вѣтвями, нѣсколько сарацннъ, мушннъ, женщинъ и дѣтей, которыхъ, связавъ, приводитъ въ римскую землю. Въ числѣ плѣнниковъ царь находитъ и того «сановника», который поразилъ его во снѣ; велитъ казнить его вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, иныхъ заточить, а отроковъ и женъ отдать въ рабство.

Этотъ первый эпизодъ апокрифа можно назвать *походкой Θεодора противъ Сарацннъ*; человекъ, представшій царю въ сновидѣніи, ихъ сановникъ; греческій текстъ даетъ ему ближайшее опредѣленіе: *ἀρατῆς*, что означаетъ *царя*.—Въ русскомъ стихѣ Сарацнны и ихъ царь замѣнены царемъ Іудейскимъ, сплой жидовской; потому-ли что въ разсказѣ о борьбѣ христіанъ съ невѣрными жидовская сила являлась болѣе понятнымъ терминомъ для выраженія врага христіанскаго имени? Въ такомъ толкованіи позволено усумниться потому именно, что русскій былевой эпосъ взлюбилъ для выраженія такого общаго понятія другую этнографическую особь: Татарь. Не отнести ли созданіе стиха, или лучше, первую народную переработку апокрифа, къ временамъ, когда еще жива была память о жидовской силѣ, какъ дѣйствительно враждебной для Руси? Въ богатырѣ «жидовинѣ» русскихъ былинъ, съ которымъ борются Илья и Добрыня, уже другіе усматривали представителя древней Хазаріи.

Дальнѣйшая разработка апокрифическаго разсказа въ народномъ стихѣ вызываетъ разнообразные вопросы, и лишь предположительные отвѣты на многіе изъ нихъ. Можно вообще говорить о пріемахъ народнаго творчества, по которымъ оно претворяло данное литературное содержаніе; но возможнымъ

представляется в прямое воздѣйствіе уже сложившихся былинъ на тотъ или другой эпизодъ стиха.

Русскій народный эпосъ не обнаруживаетъ особой любви къ мотиву «сновидѣнія». Этимъ можно объяснить, что сновидѣніе апокрифической легенды разработано въ русскомъ стихѣ, какъ дѣйствительно случившееся: тамъ сарацинскій властитель угрожаетъ во снѣ царю, поднимая на него оружіе; здѣсь идетъ рѣчь о дѣйствительномъ нападеніи, и оружіе обращается въ стрѣлу, пущенную въ христіанскій городъ со словами вызова.

Царь Константинъ Самойловичъ (или Саулловичъ см. Самуловичъ) молится у заутрени, когда къ городу подступилъ царь Юдейскій съ силой Жидовскою.

Прилетала каленѣ стрѣла,
 На стрѣлѣ было подписано:
 «Царь Константинъ Самойловичъ!
 «Отдай градъ ты охотою:
 «Не отдашь градъ охотою,
 «Мы возмемъ градъ мы неволею»

(Безсоновъ Кал. I № 122 и варианты къ № 125.)

Царь вызываетъ своихъ князей-бояръ:

А вы ой еси, князья-бояре,
 Гости богатые, люди почестные!
 Кому ѣхать супротивъ моего недруга,
 Кому ѣхать супротивъ царя Юдейскаго,
 Супротивъ его силы Жидовскія?

(ib. № 124; сл. № 122, 125 и варианты.)

Всѣ отмалчиваются; вызывается одинъ Феодоръ. Когда грозное сновидѣніе обратилось въ вражеское нашествіе, поѣздка за вражьиъ сарациномъ стала битвой, казнь плѣнныхъ—побіеніемъ жидовской силы, съ которой долго сражается Феодоръ,

Ни пиваючи ни ядаючи,
 Сы стримѣнь ногъ не вымаючи,
 Съ добра коня не слѣзаючи,
 Побиваетъ силу Жидовскую.
 Топить яво кровь Жидовская,
 Ожа по колѣна и по поясъ,
 По его груди бѣлыя.
 Онъ ударилъ копьемъ во сыру землю:
 «Мать сыра земля, хлѣбородница!
 «Разступиси на четыре на стороны».
 Разступилась мать сыра земли
 На четыре на стороны,
 Пожпраза кровь Жидовскую.

(ib. № 124; сл. 122, 125 и варианты.)

Источники этой эпической амплификаціи ясны. Во второмъ эпизодѣ апокрifa, повѣствующемъ о битвѣ Теодора съ змѣемъ, Теодоръ, побѣдивъ его, оказывается замкнутымъ въ вертепѣ чудовища, задерживавшаго воду. По молитвѣ угодника Господь посылаетъ къ нему архангела «и пропусти *воду* теци первымъ путемъ . . . и пзыде вода яко *рѣка велика*» (καὶ ἐξῆλθεν τὸ ὕδωρ ὡσεὶ ποταμὸς μέγας). Великая рѣка вызвала образъ *потона*; сблженіе перваго (битва съ жидовской сплою) и втораго эпизода (битва съ змѣемъ) стпха объясняетъ тождественность образовъ: Теодора *топить* кровь жидовской рати, пмъ побитой, а съ другой стороны «рѣка велика» апокрifa обращается въ нѣкоторыхъ редакціяхъ стпха въ *кровавый потонъ*:

Потопляетъ кровь змѣяная,
 И доброму молодцу по бѣлу грудь;
 Опъ воткнулъ копье въ сырѹ землю,
 Опъ раскрылъ книгу Евангеля
 Во зрыданьяхъ слѡва не вымолвить,
 Во слезахъ слѡва не обозрѣть:

«О Господи да Спасъ милосливый!
 «Разступися, мать сыра земля,
 «На четыре на стóроны,
 «Прожди кровь зми́нную,
 «Не давай намъ погнбнути
 «Во кровѣ во зми́ныя».
 По его умоленію,
 По святому упрошенію,
 Разступилась сыра земля
 На четыре на стóроны
 Прожирала кровь зми́нную.

(ib. № 122; сл. 121, 123, 124 и варьянтъ къ № 125.)

Въ греческомъ чудѣ царь обращается къ Θεодору съ возва-
 ніемъ: *τέχου*, которое понято вообще, какъ естественное обра-
 щеніе старшаго къ младшему. Русскіе пересказы нетолько пере-
 даютъ *τέχου* словомъ «чадо», но и понимаютъ его реально: о Θε-
 одорѣ говорится: и прѣать молитву отъ *отца*. Народному стику
 оставалось лишь развить эти черты подробнѣе: Θεодоръ могъ
 прямо явиться въ немъ *сыномъ* царя, малолѣтнимъ, что объ-
 сняетъ съ своей стороны предостереженіе отца юному богатырю,
 напрашивавшемуся на трудный подвигъ. Когда на вызовъ царя,
 кто хочетъ выйти супротившкомъ жидовской силы, «никто не вы-
 бирается», и «старый прячется за малыми»,

Выходило его чадо милое,
 Младъ человекъ Θεодоръ Тпринновъ,
 И возговоритъ таково слово:
 «Государь ты мой *баткино*,
 Царь Костянтинъ Сауѣловичъ!
 Дай ты мнѣ свое великое благословленіе,
 Дай ты мнѣ зброю ратную
 И вострѣ копьѣ булатное,
 Дай добра коня неѣзжалаго,

Сѣделечко новое неслаживалое:
 Я поѣду супротивъ царя Іудейскаго,
 Супротивъ его силы Жидовскія».

Царь Костянтинъ Сауѣловичъ
 И возгóворитъ таково слово:
 «Ой ты еси, чадо милое,
 Младъ человекъ Ѳеодоръ Тиринъ!
 Малыиъ ты малёшенекъ,
 И разумомъ тупёшенекъ,
И отъ роду тебѣ двѣнадцать лѣтъ;
 На бояхъ ты не бывывалъ
 Крoвaвѣихъ ранъ не видывалъ,
 На добрѣ конѣ не спживалъ,
 Збруей ратной не владывалъ».

(ib. № 125 в варьянтъ; сл. № 124, 122.)

Въ греческомъ апокрифѣ и въ его русскихъ передачахъ съ такой-же мольбой обращается царь къ Ѳеодору, готовящемуся выйти на бой съ змѣемъ: «о чадо Ѳеодоре, его же не можеша творити не помысли творити». Въ экономіи народнаго стиха, представившаго Ѳеодора малолѣткомъ, является вполне естественнымъ, что предостереженіе отпа сыну перенесено было съ второго подвига юнаго богатыря на его первую поѣздку.

Такъ переработалось въ народномъ стихѣ содержаніе первой части греческаго апокрифа. Совершилась-ли эта переработка самостоятельно, не опираясь на опредѣленные поэтическіе образцы, черпая свои образы и подробности, отличающія ее отъ книжной легенды, изъ *общихъ* мѣстъ народной пѣсни? Вопросъ этотъ усложняется — существованіемъ русскихъ былинъ съ такимъ же планомъ и развитіемъ, какіе мы склонны были-бы вѣнать замышленію автора стиха. Михайло Даниловичъ и Ермакъ — такіе-же двѣнадцатилѣткі, какъ Ѳеодоръ, также выступаютъ на сцену, когда вражье войско подошло къ Кіеву, требуя поедви-

щика; какъ царь стиха, такъ и здѣсь Владиміръ обращается за помощью къ князьямъ, боярамъ, поленицамъ; богатыри медлятъ или отгѣкиваются; вызывается Михайло.

А отвѣтъ таковъ держалъ ему Владиміръ князь:

«Ой же ты, Михайло да Данпловичъ!

А в ростомъ-то видъ ты же есь глупёшенекъ

Да в разумомъ-то ты же есть малёшенекъ;

Теперь отъ роду, Михайло, тѣ двѣнадцать лѣтъ».

(Кирѣевск. вып. 3, стр. 45 № 2.)

На большихъ бояхъ не бывывалъ,

Страстей-ужастей ты не видывалъ

(ib. стр. 40 № 1.)

Также напрашивается на подвигъ и слышитъ такую-же отповѣдь отъ Владиміра — молодой двѣнадцатилѣтній Ермакъ, являющійся въ одной редакціи былинны (№ 92 Гильф.) даже племянникомъ Владиміра, какъ Θεодоръ представляется намъ сыномъ царя ¹⁾.

Аналогія, подобныя указаннымъ, могутъ повести къ заключенію, что авторъ духовнаго стиха, понявъ реально отношенія царя къ Θεодору легенды, какъ отца къ сыну, разработалъ далѣе содержаніе апокрифическаго разсказа по мотивамъ былинъ о богатырѣ малолѣткѣ. Мы высказываемъ лишь предположеніе, такъ какъ взаимныя хронологическія отношенія былинъ и стиховъ намъ неизвѣстны, и общее между ними восходитъ, быть можетъ, къ болѣе древнимъ формамъ русскаго эпоса.

Перейдемъ ко второй половинѣ русскаго стиха, которая продолжаетъ идти по стезямъ апокрифа, выбирая изъ него существенныя черты, украшая и вмѣстѣ искажая ихъ по приѣмамъ народной поэтики, но болѣе сохраняя планъ цѣлаго, чѣмъ это замѣчено было нами для первой части.

¹⁾ Былины о Михайлѣ Игнатьевичѣ и Ермакѣ послужатъ намъ предметомъ особаго изслѣдованія.

Теодоръ возвратился съ боевого подвига; его мать ведетъ его коня на водопой и похлещена змѣемъ. Въ апокрифѣ Теодора извѣщаютъ о томъ рабы; въ стихѣ: слуги вѣрные (№ 125), два ангела (№ 122), либо его добрый конь (№ 123 и варьянтъ къ № 125). Теодоръ сѣтуетъ, снаряжается на новый бой; въ апокрифѣ царь пытается остановить его, и мы видѣли, что русскій стихъ распорядился этимъ эпизодомъ иначе, помѣстивъ его передъ первымъ подвигомъ юнаго богатыря. Можетъ быть, такое же новое приуроченіе слѣдуетъ допустить и для слѣдующихъ подробностей отреченнаго чуда: отвѣчая царю, Теодоръ обнаруживаетъ неуклонную рѣшимость спасти мать; греческій текстъ заставляетъ его помнать о мукахъ и печаляхъ, которыя она повесила за него при *рожденіи*, о томъ, что она его вскормила своею грудью и ему достоптъ успокоить ее на склонѣ дней. Русскіе пересказы опустили эти черты, но они сходятся съ греческимъ въ томъ, что въ отвѣдѣ Теодора царю помѣщаютъ такую его просьбу: въ первую субботу поста сотвори память мою! Всѣ эти мотивы разработаны русскимъ стихомъ въ яной связи. Когда Теодоръ освободилъ мать отъ змѣя,

Онъ сталъ еѣ крѣпко спрашивать:

«Охъ ой есп, роднѣ матушка!

Будетъ ли мое похождение

Супротивъ твоего рожденія?»

— Охъ ты мое чадо милое!

— Не будетъ твое похождение

— Супротивъ моего рожденія. — (№ 121.)

иначе:

Какъ твое-то похождение

Наппаче моего порожденія (варьянтъ къ № 125.)

Точно также помѣстилась въ самомъ концѣ стиха просьба Теодора о совершеніи ему памяти въ первую субботу великаго поста:

О родимый ты мой батюшка,
 Царь Констанкинъ Самоиловичъ!
 Не звоните въ колокола благовѣстные,
 Не служите вы молебны мѣстные:
 Понимайте вы, православные,
 Перву недѣлю великаго поста.
 Кто помѣетъ первую недѣлю великаго поста,
 Того имя будетъ написано у самаго Господа
 Во животныхъ книгахъ.

(№ 122; см. № 124, 125 и варианты.)

Особенность русскаго народнаго пересказа составляетъ эпизодъ о Китъ-рыбѣ (Кятъ, Тптъ, Кетръ). Мы видѣли выше, какъ толкуетъ г. Кирпичниковъ появленіе этого имени; *китъ* отъ *киты* апокрифа. Мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ другое объясненіе: въ молитвѣ передъ битвой съ змѣемъ, особенно подробно развитой въ греческомъ текстѣ, Теодоръ упоминаетъ и о пророкѣ Іонѣ, пожравномъ *китомъ* и изведенномъ изъ его чрева Божьей помощію. Образъ былъ данъ; дальѣйшее развитіе его въ стихѣ объясняется замѣной кладезя, озера, которое по апокрифу находится во власти змѣя, образомъ снѣга моря: къ снѣгу морю (или къ Дунаю) ведетъ путь коня мать Теодора, изъ за моря налетаетъ на нее змѣй; освободителю приходится идти за море, и народная фантазія приготовила ему чудовищный мостъ, кита, какъ въ сказкѣ о Маркѣ Богатомъ (Аванасьевъ № 173) такой-же китъ лежитъ черезъ все море, а по немъ, какъ по мосту, переправляются и конные и пѣшіе.

Слѣдуетъ замѣтить, что духовный стихъ ничего не знаетъ о «залеганіи» змѣемъ воды или источника, оттого онъ не могъ воспользоваться той чертой апокрифа, что по умерщвленіи змѣя вода потекла первымъ путемъ, *яко рѣка велика*. Мы видѣли, что русскій стихъ обратилъ ее въ кровавый потопъ; стиху-же принадлежитъ подробность, что Теодоръ выноситъ свою мать на головѣ, на темени.

И въ апокрифѣ и въ стихѣ Θεодоръ побиваетъ сначала малыхъ змѣевъ; «змѣшке великіи не бѣше ту, но въ тее поры на поли ловы деющи . . . и принесъ два отрока и .г. елени»; отроковъ для того, чтобы было съ кѣмъ бесѣдовать похищенной красавицѣ, поясняетъ греческій текстъ. Слѣдуетъ и въ стихѣ и въ книжномъ чудѣ битва съ великимъ змѣемъ. Интересно, какъ распорядился русскій стихъ съ эпизодомъ объ отрокахъ—юношахъ. Въ глубокихъ пещерахъ Θεодоръ увидѣлъ свою мать,

Сосуть ее двое юноши,
Двое юноши, двое змѣятушки (№ 121)

или просто двѣнадцать змѣенышей (№ 122), которыхъ Θεодоръ и убиваетъ, тогда какъ въ апокрифѣ онъ возвращается съ побѣды «съ матерію своею и со двѣма юношма». Эти юноши не связываютъ-ли нашъ духовный стихъ съ первообразомъ русскихъ книжныхъ пересказовъ чуда?

Стихъ кончается, какъ мы видѣли, извѣстнымъ пожеланіемъ Θεодора о чествованіи его на первой недѣлѣ поста.—Иначе апокрифъ: царь радуется побѣдѣ Θεодора «и постави его въ первомъ сану». Когда тотъ царь умеръ, Θεодоръ переходитъ въ другой городъ, не названный въ греческомъ текстѣ, въ русскомъ обозначенный именемъ: Пенти Ирахлія, т. е. Гераклея. Здѣсь при Ликвиніи царѣ устѣковенъ былъ Θεодоръ, говорятъ русскіе пересказы чуда «святаго Θεодора *Тирона*», обличая тѣмъ самымъ его смѣшеніе съ Θεодоромъ Стратилатомъ, пострадавшимъ при Ликвиніи и имено въ Гераклеѣ, тогда какъ св. Θεодоръ Тиронъ пострадалъ при Максиміанѣ. Такъ и названъ царь-мучитель греческаго чуда.

Подобное-же колебаніе обнаруживается и при имени царя, при которомъ совершились богатырскіе подвиги Θεодора, и въ географической обстановкѣ легенды. Въ двухъ извѣстныхъ намъ русскихъ спискахъ XVI вѣка имя царя — Уалентъ (въ спискѣ XVII в.: Василій): царствуетъ онъ въ афуньстѣмъ, афунѣстѣмъ

или-же аопыстѣмъ (ржп. XVII в.) градѣ; Теодоръ живетъ въ Андриокіи. Если разумѣется Андриокія нашей лѣтописи, Ἀδριακὴ εἰς ἧς τὸ Ἀδριακὸν πέλαγος (Хров. Георгія Амартола, изд. Муральта, стр. 40), то мѣсто дѣйствія, обозначенное такимъ образомъ въ первыхъ строкахъ, перенесено на западъ, въ противорѣчій съ дальнѣйшей географіей чуда. Нѣтъ-ли здѣсь попытка вѣшняго приуроченія, вызванной какъ-нибудь мѣстными отношеніями? Почитаніе св. Теодора въ Венеціи восходитъ въ глубокую древность; съ XIII вѣка его мощи покоятся въ городѣ, считающемъ его своимъ покровителемъ.

Русскій стихъ не даетъ указаній на географію своего источника: его Иерусалимъ или Константиновъ градъ такъ-же чередуются въ пересказахъ и такъ-же неопредѣленно-типичны, какъ и въ былинахъ. — Другое дѣло греческій текстъ: его кругозоръ опредѣленно-восточный; городъ не названъ, Теодоръ подвизается при *благочестивомъ царѣ Самуилѣ*. Съ точки зрѣнія русскаго духовнаго стиха Теодоръ былъ бы сыномъ этого Самуила.

Русскія былины знаютъ про царя Самуила, хотя искажаютъ его имя по приемамъ, знакомымъ намъ изъ стиха о Теодорѣ: какъ отецъ его прозывается то *Самойловичъ*, то Сауловичъ (т. е. Самуловичъ), такъ въ былинахъ (Кларѣвскій, Пѣсни вып. 3 стр. 113 — 124, № 1 в 2) *Самуилъ* является искаженнымъ въ *Сулъ* и Сауръ: его звать по отчеству Левандовичъ; можетъ быть: сынъ Леона, Льва? Онъ царитъ въ царствѣ Альберскомъ — или Астраханскомъ; отправляется въ долгій путь «въ дальню орду, въ Половецку землю», либо подъ три царства: Латинское, Литвянское и Сарочинское. По одной редакціи былины (Клар. I. с. № 1) Сарацины берутъ его въ плѣнъ, сажаютъ въ земляную тюрьму. Въ его отсутствіи его жена родитъ ему сына, юнаго богатыря, который на девятомъ или десятомъ году выѣзжаетъ искать отца и совершаетъ геройскіе подвиги въ Сарочинской землѣ. Имя ему въ одномъ пересказѣ былины: Константинушка Сауловичъ, и Константиномъ же Сауловичемъ или Самойловичемъ названъ въ